

УДК 808.2

ПРАГМАТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ

Ларина Ю. Е., – соискатель, преподаватель
Ростовский государственный строительный университет

В статье лингвистический термин рассматривается как особая метаязыковая субстанция в прагматическом аспекте. Раскрывается сущность прагматического компонента в содержании терминологических единиц на основе бинарной языковой оппозиции: «свое» / «чужое». Доказано, что термину как семиотическому образованию свойственны прагматические значения.

Abstract of the article “Pragmatics of the linguistic terminological lexis” by Julia E. Larina candidate for Ph. Dr. in Linguistics Lecturer of the Russian language Department, Rostov State University of Civil Engineering. In the article a linguistic term is considered to be a special metalanguage substance in the pragmatic aspect. The essence of the pragmatic component in the content of terminological items is being revealed on the basis of binary linguistic opposition: “natural” / “alien”. It has been proved that a term as a semiotic formation is characteristic of pragmatic co-meaning.

Система языковых значений организуется вокруг четырех первичных функций языка: функции именованя; функции коммуникации; функции представления всех видов зависимостей, связей и соотношений; функции квалификации и оценки. К последней функции относят, во-первых, содержательные характеристики, заключенные в самих единицах трех предыдущих сфер языка, во-вторых, стилистические квалификации, также заключенные в этих единицах, в третьих – субъективные квалификации, оценки, идущие от говорящего. То есть, среди обозначений, ориентированных на понятийный ряд и отражающих работу человеческого сознания, выделяются те, которые не вычленяют фрагменты языковой действительности, а выражают представления об их ценностных свойствах. Именно на изучение таких языковых знаков и их комбинаций нацелена прагматика (или лингвопрагматика).

Прагматика определяется как закрепленное в языковой единице, в том числе – и в отдельном слове, отношении говорящего к действительности, к содержанию сообщения или к адресату. Сущность

прагматического компонента в содержании языковых единиц детально раскрыта во многих трудах по лингвопрагматике [Апресян Ю.Д., Телия В.Н., Арутюнова Н.Д., Степанов Ю. С., Руденко Д.И., Немец Г.П., Карасик В.И., Вежбицкая А., Вольф Е.М. и мн. др.]. Различается, с одной стороны, оценка, свободно творимая говорящим в речи, и «готовая», лексикализованная и грамматикализованная оценка, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке.

Научная терминология заведомо небезразлична к таким категориям, как «свое» / «чужое», ибо научные изыскания в гуманитарных областях знания – это, по сути, постоянный поиск аргументов в пользу «своего» термина как наиболее адекватно выражающего понятие, это утверждение «своего» понимания уже существующего (общего) термина. Терминология, с одной стороны, открыта для постоянных нововведений, а с другой – поддается целенаправленному воздействию. При изучении лингвистических описаний нередко затруднения, которые связаны с так называемой «терминологической независимостью», в известной мере преодолеваемой с помощью авторских комментариев. Ср.: *Изучение явления преднамеренного или случайного столкновения смыслов (в нашей терминологии «эквивокации») велось главным образом в стилистическом плане...* [1, с.4].

Исследовать свой предмет лингвист может только в границах определенной концепции, и в рамках этой концепции он кодирует научный поиск наиболее приемлемыми с его точки зрения (часто – собственными) терминами. А если предмет изучения уже находился в поле зрения других исследователей, то неизбежно возникают концептуально связанные ряды «своих» и «чужих» терминов.

Наряду со способностью передавать значимую для реципиента информацию, термины обладают способностью делать ту же информацию закрытой для «непосвященных» восприемников.

Отношением к категории «свой» / «чужой» определяется и такое свойство термина, как конвенциональность. Под конвенциональностью обычно имеют в виду согласие, по меньшей мере, нескольких ученых признать термин - принять предложенную одним из них форму выражения научного понятия. Вообще терминология существует благодаря некоторому «общественному договору» специалистов, который, однако, постоянно пересматривается. Как известно, возможность сознательного введения новых терминов и принятие на основе договоренности того или иного термина есть одно из важнейших свойств языка науки.

В науке зачастую одновременно существуют и взаимодействуют несколько концепций, связанных с тем или иным фрагментом языковой системы. Эти концепции могут опираться на различную терминологию. В рамках отдельных концепций возможна оригинальная авторская терминология. К примеру, представители датской школы структурализма пользовались особой системой терминов, которую ввели в научный обиход основоположники глоссематики Л. Ельмслев и Г. Улльдаль. Эта терминология представляет собой замкнутую систему, где первичные базовые термины не определяются (подобно тому, как не определяется *точка* в геометрии), а остальные термины дефинируются через исходные, базовые. Как известно, они ввели более ста новых терминов, потому что в рамках традиционной терминологии они не могли выразить представление о языке как о системе чистых отношений. Релятивный каркас языка, или все многообразие отношений между разноуровневыми единицами в языке, глоссематика передает с помощью терминов *интердепенденция, детерминация и констелляция*.

Не претендуя на роль основоположников не только новой терминосистемы, но даже на роль автора одного нового термина, исследователи часто предлагают «рабочие термины» или «рабочие определения» многозначных терминов:

Приведем в качестве рабочего определения следующее: Текст - это коммуникативное событие, удовлетворяющее семи критериям текстуальности, среди которых когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость, ситуативность, информативность и интетекстуальность [2, с.93].

«Свое» и «чужое» может пониматься не только как «принадлежащее близкой или, напротив, далекой» концепции. Нередко «свое» соотносится просто с исконным (или воспринимаемым как исконное вследствие длительной ассимиляции), а «чужое» - с иноязычным.

Одной из значительных тенденций в развитии сложившихся терминосистем является интернационализация, так как термины более активно, чем остальные пласты лексики, соприкасаются с другими языками. Как известно, терминологическая лексика – та область языка, в которой международный обмен происходит наиболее интенсивно и на долю которой приходится наибольший процент иноязычных заимствований. Иноязычный термин, причем нетранслитерированный, может использоваться в одном синонимическом ряду с исконными терминологическими сочетаниями:

В древности и в средние века профетическим языкам противостояли местные, вначале малопrestiжные языки – их называли н а р о д н ы е я з ы к и или, используя латинский термин, vernaculae (от vernaculus – «туземный, местный, отечественный») [3, с.136].

А.В. Лемов отметил: «Что касается использования иноязычных терминоэлементов, то опасность того, что они превращают научный текст

в своеобразную «глокую куздру», во многом преувеличена, так как сферой научного стиля и заключенной в ней специальной лексикой пользуются люди, имеющие определенный образовательный ценз» [4, с.18]. Тем не менее, чаще всего отрицательная прагматика сопровождает именно иноязычные термины.

Время от времени на страницах лингвистической периодики поднимаются вопросы об очистке лингвистической терминологии от засилья иноязычных слов. Чаще всего высказываются идеи в духе известных ленинских заметок «Об очистке русского языка». Ср.: «Щеголянье «модными» терминами (прежде всего американского происхождения), нарочито «заумный» язык делают некоторые лингвистические работы (в том числе и учебники) недоступными даже узкому кругу «посвященных». Эта вредная традиция в той или иной степени проникает и в учебники для средних школ» [5, с.6].

Н.А. Катагощина опубликовала письмо в редакцию журнала «Вопросы языкознания» под названием «О языке кандидатских диссертаций». Главным недостатком языка кандидатских диссертаций она считает именно обилие иноязычных терминов, затрудняющих понимание: *неаддитивный характер значения* и под. [6, С.147-149]. По мнению автора, совершенно безосновательно устоявшиеся исконные термины заменяются иностранными: вместо *производного* – *дериваты*, *уменьшительного* – *диминутивы*. Возражает указанный автор и против применения термина *финаль*.

С последним соображением, на наш взгляд, никак невозможно согласиться. Русский термин *окончание*, как известно, обозначает изменяющуюся морфему в конце слова. Поэтому, к примеру, конечное *-о* в слове *пальто* никак не может быть названо окончанием, это часть основы. Для нее и нужен термин *финаль*, который активно применяется в

трудах, описывающих аналитические тенденции в русской именной системе словоизменения.

Цитируемый автор считает, что проблема иноязычной терминологии в диссертациях требует детального обсуждения и «это в первую очередь относится к тем, кто несет ответственность за формирование молодых научных кадров» [6, с.148]. Н.А. Катагощина [там же] находит ошибки в использовании иноязычных слов (курьезный случай, когда «*пациенс*» превращается в *пациента*). Это напоминает ленинский пример с глаголом *будировать*. Однако ошибочные употребления иноязычных терминов вряд ли можно считать аргументом против использования иноязычной терминологии вообще.

Указанный автор возражает даже против «термина немецкого происхождения *коммуникант*» (по ее мнению нужно «*участник коммуникации*») и термина *контрастивный*, используемого авторами диссертаций вместо адъектива *сравнительный*.

Образ мыслей, продемонстрированный в этом письме, давно получил терминологическое наименование – *пуризм*. Пуризм может соотноситься с языковыми явлениями всех уровней, однако чаще всего пуристическая деятельность направлена на лексику. Именно здесь пуризм ярче всего проявляется как некое настроение: человеку «режут слух» странные (прежде всего иностранные) слова. «Поскольку слово в самом деле обладает эмоциональной суггестивностью и с известными явлениями языка действительно может сочетаться впечатление чего-либо неприятного или враждебного – например, неприятно действующего на нас психического уклада говорящего, принадлежности его к какой-либо враждебной среде, чуждости его нашей культурной традиции и т.п. – постольку пуризм в этом смысле вещь вполне естественная и, в таком качестве, законная» [7, с.87].

Чаще всего языковой пуризм связывается с противодействием

иноязычным влияниям. Ср.: «Понятие пуризма включает в себе разные формы культивирования и планирования языка, обладающее общей целью – избавить язык (или удержать его) от иностранных влияний» [8, с.22]. В широком же смысле языковой пуризм есть языковая политика, ориентированная на преобразование словарного состояния языка с опорой на определенные представления о приемлемости тех или иных единиц языка. Г.О. Винокур [7, С.87-88] различает эмоциональный и идеологический пуризм. Против первого, в общем, нечего возразить («представители разных лингвистических вкусов и культур отстаивают привычные для них речевые навыки и не допускают проникновения в язык таких способов выражения, которые несут на себе печать культурной инородности»). Ср. также мысль Г.О. Винокура [7, С.41-42] о том, что эмоциональный, или бессознательный пуризм хочет только того, чтобы правнуки непременно говорили так, как в старые и лучшие годы говаривали прадеды».

«Самым отвратительным» Г.О. Винокур считает «ученый пуризм» [7, С.106-107], ибо в нем нет даже естественных эмоций. «Ученый пуризм знает только эмоции начетчика и библиофила. Не случайно, что чаще всего в тогу ученого пуризма драпируются библиотекари, архивариусы, школьные учителя и прочие чиновники». Важно подчеркнуть, что Г.О. Винокур анализировал те проявления пуризма, которые наблюдал в 20-е годы, именно их он подверг беспощадной критике. А пуризм по сути своей (как идея, как принцип), по его мнению, вовсе не заслуживает осуждения. Он предлагает развивать и культивировать пуризм как культуру языка. Разумное и культурное отношение к языку, по мысли Г.О. Винокура, даст возможность судить не об отдельных формах и частном словоупотреблении, а по отношению к данному языку в целом.

За двадцать пять лет, прошедших после публикации письма Н.А.

Катагощиной, многое изменилось в отношении к иноязычным словам вообще и к терминологии в частности. Пуризм в таком виде сегодня вряд ли будет популярным. Однако ср.: «Вообще русистам давно нужно как следует подумать об упорядочении своей терминологии и освобождении ее по возможности от иностранного «мусора» вроде новомодных словечек типа *дискурс, парадигма*» (9, с.101). Примечательно, что у известного лексикографа и лингвиста, который в течение нескольких десятилетий редактировал журнал «Русский язык в школе», отторжение вызывают слова, зафиксированные в Лингвистическом энциклопедическом словаре (дискурс) и в энциклопедии «Русский язык» (парадигма).

Заимствования в терминосистеме языкознания и сегодня не имеют такого тотального характера, как, например, в компьютерной сфере. Конец XX века породил совершенно новую языковую ситуацию в мире, когда английский язык и особенно его американский вариант оказывают такое мощное давление на другие языки, что во многих странах актуальным становится вопрос о мерах, которые будут способствовать сохранению родного языка и национально-культурного мышления.

Динамика распространения английского языка сегодня такова, что количество людей, использующих английский язык в качестве второго языка, скоро превысит число тех, для кого он является родным. Английский язык называют «латынью XX века». Он выполняет функции *lingua franca* и в сфере науки. Из пяти тысяч ведущих научных журналов конца XX века более 80% выпускаются американскими или английскими издательствами на английском языке. Около 90% информации в научных базах данных по всему миру хранится в английском языке.

Когда Н.М. Шанский называл «мусором» слово «*дискурс*», очевидно, он имел в виду, что в данном случае имеет место «пустой» или

«паразитарный» концепт. К «паразитарным» концептам В.И. Карасик [10, с.213] относит те мыслительные образования, которые обозначаются иностранными (сегодня чаще – английскими) словами с целью сделать вид, что явления, для которых в русском языке есть свои обозначения, имеют нечто особое, отличающее их. В самом деле, термин *дискурс* часто используют вместо вполне уместного и ожидаемого *стиль* или *текст*.

Лингвистическая терминология, с одной стороны, в высшей степени консервативна (ибо использует термины, созданные еще в античный период), а с другой стороны, - это открытая, постоянно пополняющаяся система. По подсчетам специалистов, в словарях, фиксирующих неологизмы таких языков, как русский, английский, французский, термины составляют от 50 до 80 % новых слов и значений [11, с.118].

В современной науке существует противопоставление неологизмов, которые относятся к общелитературному языку, и терминологических неологизмов – неонимов. Особенности неонимов выводятся непосредственно из специфики термина, характеризующегося, в отличие от общелитературного неологизма, принадлежностью к определенному терминологическому ряду (системе, подсистеме), «аспонтанностью» и оправданностью (с точки зрения автора) появления.

Неонимы – неперенный атрибут языка науки, ибо в каждой или почти в каждой научной публикации либо вводится новый термин, либо переосмысливается существующий, либо то и другое вместе. История лингвистики знает примеры создания совершенно обособленной системы новых терминов для передачи новых идей. В 20- гг. XX в. основоположники глоссематики Л. Ельмслев и Г. Улльдаль (под влиянием идей физиков-ядерщиков) пришли к выводу, что лингвистика XX века мало чем отличается от античной науки, в то время как ядерная физика несопоставима со знаниями древних, и причину этого увидели в том, что

лингвистика, как и в глубокой древности, описывает только внешнее, не погружается в сущность предмета. Чтобы описать сущее, а не внешнее, надо, по их мнению, описать систему отношений, в которые вступает изучаемый объект. Старая терминология не подходит для такой цели, поэтому они создали свою систему новых терминов.

Часто неонимы вводятся из желания преодолеть терминологический разнобой, хаос и сумятицу. Но терминологические новации делают авторов заложниками нововведений. Таким авторам постоянно приходится пускаться в пространные разъяснения по поводу введенных терминов.

Как известно, критерия, позволяющего совершенно точно отделить неологизм от слова, которое таковым не является, не существует. Чаще всего учитывается психолингвистический критерий: ощущение носителей языка, их восприятие слова как нового (лексикографический критерий еще менее надежен, потому что словари просто не успевают за лавинообразным потоком неологизмов). Очевидно, что и в применении к терминологии только психолингвистический критерий может указать на новый термин.

Появление новых лингвистических терминов часто становится результатом действия генеральной тенденции развития современного языкознания, которая получила название «экспансизм». Лингвистика ищет ответы на свои вопросы, обращаясь к ареалам или методам других наук. Вообще можно указать немного наук, которые, подобно лингвистике, имели бы такие мощные междисциплинарные связи.

Так, превратилось в лингвистический термин словосочетание из области социологии и политологии – *политическая корректность*. Мощная культурно-поведенческая и языковая тенденция, которая получила название «политической корректности» (political correctness – PC), сформировалась на базе английского языка – в США. Из западной

социологии пришел и термин *гендер*, которому нет отечественного аналога.

Таким образом, термину как семиотическому образованию свойственны прагматические созначения. Наиболее яркую прагматику в сфере лингвистической терминологии имеют термины иноязычного происхождения и термины-неологизмы – неонимы.

Список использованной литературы

1. Иванов В.М. Явление эквивокации в дискурсе анекдота в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 19 с.
2. Солнцева-Накова Е. Лингвистика текста и научные тексты // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. К 80-летию проф. М.Н. Кожинной. Материалы Международной конференции. Пермь: ПГУ, 2005. С. 91-96.
3. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
4. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 32 с.
5. Филин Ф.П. Об актуальных задачах советского языкознания // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 3-16.
6. Катагощина Н.А. О языке лингвистических диссертаций // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 147-149.
7. Винокур Г.О. Культура языка. Изд-е 2., Изд-во Федерация, М., 1929. 336 с.
8. Геерс М.Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии. Дис. ...канд. филол. наук. Тверь, 2002. 220 с.
9. Шанский Н.М. Русский язык и телевидение сегодня. Рецензия на: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления // Русский язык в школе. 2004. № 5. С. 100-102.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
11. Лейчик В.М. Новое в советской науке о терминах (обзор тематических сборников ИРЯ АН СССР) // Вопросы языкознания. 1983. № 5. С. 118-127.